

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ- КВАРТИРА П.К. КОЗЛОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ

А.И. Андреев

Музей-квартира П.К. Козлова, Санкт-Петербургский
филиал Института истории естествознания и техники РАН,
г. Санкт-Петербург

Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) — выдающийся путешественник-географ, ученик и сподвижник Н.М. Пржевальского, посвятивший свою жизнь изучению природы и народов Центральной Азии (Монголия, Китай и Тибет). В 20-летнем возрасте он совершил свое первое путешествие в составе экспедиции Пржевальского по северо-западному Тибету (1883–1885). «С этого времени, — напишет он впоследствии в автобиографическом очерке, — исследование Центральной Азии стало для меня той путеводной нитью, которой определялся весь ход моей дальнейшей жизни. Годы оседлой жизни на родине я посвящал усовершенствованию в естественных науках, этнографии и астрономии»¹.

После смерти Пржевальского (в 1888) Козлов участвовал еще в двух путешествиях под руководством М.В. Певцова (1889–1890 гг.) и В.И. Роборовского (1893–1895 гг.). А затем самостоятельно организовал и возглавил три большие экспедиции (в Монголию и Восточный Тибет), последняя из которых состоялась уже после революции, в 1923–1926 гг., при поддержке и на средства советского государства. Эти путешествия принесли Козлову мировую известность. Особенно прославили его сенсационные — изначально незапланированные — археологические раскопки «мертвого города» Хара-хото на окраине пустыни Гоби (1908–1909 гг.) и гуннских могильных курганов в горах Ноин-ула на севере Монголии (1924–1925 гг.). И те и другие по богатству добытого материала по праву считаются выдающимися достижениями археологии XX века.

П.К. Козлов принадлежал к блестящей плеяде российских путешественников-первопроходцев, открывателей новых земель (Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов,

Рис. 1. П.К. Козлов. Около 1910 г.

В.И. Роборовский, Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло и др.). Именно им мы обязаны научному освоению в конце XIX — начале XX века огромной территории в центре азиатского материка, которая до того времени представляла собой по большей части *terra incognita* («неведомую землю»).

Уроженец Смоленской губернии, где прошли его детство и юность и где, благодаря счастливому случаю, он познакомился со своим незабвенным, боготворимым всю жизнь учителем, П.К. Козлов в дальнейшем был самым тесным образом связан с Петербургом. Здесь в 1885–1887 гг. он, по совету Пржевальского, окончил пехотное юнкерское училище, после чего поступил на военную службу, по-

скольку Пржевальский формировал экспедиционный отряд исключительно из военных людей. Здесь же, в Северной столице, находилось Императорское Русское Географическое Общество (далее РГО), главный организатор всех российских научных экспедиций, в том числе в Центральную Азию. Кроме того, в Петербурге проходило и их первоначальное — «домашнее» — снаряжение. Собранные же в ходе путешествий естественно-исторические коллекции (образцы флоры, фауны, горных пород, этнографические и другие материалы) также доставлялись в Петербург. Здесь, в помещении РГО, они выставлялись на обозрение публики, а затем передавались для обработки и изучения зоологам, ботаникам, геологам и другим ученым-специалистам (в Зоологический музей, Ботанический сад, геологический кабинет Петербургского Университета, этнографический музей).

В 1912 году П.К. Козлов женился (вторым браком) на Елизавете Владимировне Пушкарёвой, дочери петербургского врача Владимира Иосифовича Пушкарёва. В то время знаменитому путешественнику уже было под 50, а его невесте только 20. После женитьбы Козлов окончательно перебрался из Москвы (где осталась его первая жена и дети, Володя и Оля) в Петербург. Молодые поселились в просторной (семикомнатной) ро-

дательской квартире Е.В. Пушкарёвой на Смольном проспекте, в типично петербургском доходном доме вблизи Смольного института. В квартире имелся балкон, выходивший в живописный сквер, откуда летом можно было наблюдать птиц и слушать их пение, а из окон открывался прекрасный вид на Смольный институт и расположенный чуть поодаль Смольный Собор. Сюда, в эту квартиру, приходили многочисленные друзья, соратники и ученики Петра Кузьмича, знаменитые ученые и путешественники (Ю.М. Шокальский, В.Л. Комаров, Д.М. Анучин, С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, Н.А. Зарудный, шведский исследователь Тибета Свен Гедин, представитель Далай-ламы Агван Доржиев и др.). Здесь же составлялись планы его новой экспедиции в Тибет, которая должна была начаться летом 1914 года, но не состоялась из-за начавшейся мировой войны. Вместо любимой Центральной Азии полковник Козлов отбыл на фронт, в действующую армию.

После революции новые городские власти (Совдеп Рождественского района) попытались выселить чету Козловых

Рис. 2. Члены последней экспедиции Н.М. Пржевальского 1888 г. В центре слева – направо сидят: П.К. Козлов, Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский

Рис. 3. Петр Кузьмич и Елизавета Владимировна Козловы. 1912 г.

из их квартиры, чтобы разместить в ней «советское учреждение». Но за П.К. Козлова заступилось руководство Наркомпроса, выдавшее ему охранный мандат. Тем не менее, Петрочка в июне 1919 года провела обыск в квартире путешественника и конфисковала найденное у него оружие, в том числе четыре охотничьих ружья, некогда подаренные Козлову Пржевальским. Трудные годы, однако, миновали. Летом 1923 года П.К. Козлов вместе с женой — начинающим орнитологом², отправился в свое последнее путешествие — в Монголию и Тибет³.

Встретившийся с П.К. Козловым осенью 1922 года в Зоологическом музее энтомолог С.Я. Парамонов рисует в своих воспоминаниях довольно выразительный портрет путешественника:

«Козлов был хорошего роста и сложения, держался по-военному, хотя по профессии и не был воен-

ным⁴, очевидно, это было следствием того, что он получил военное образование, а годы его путешествий протекали в обстановке, которая, в сущности, была военной. Отсюда происходили и его военная осанка и выдержка.

Прежде всего мне бросились в глаза его густые, длинные брови и глубоко сидящие, спокойные, серые глаза. Достаточно было одного взгляда, что перед вами сильный духом, волевой человек. Резкая складка в углах рта придавала Козлову несколько суровое выражение, и действительно характером он был довольно крут, хотя всегда был справедлив и понимал людей. Он редко улыбался, и я ни разу не видел, чтобы он хохотал».

Парамонов также отмечает деликатность Козлова, его внимательность к людям. Правда, эта внимательность имела и обратную сторону — «если человек попадал в его окружение, то он немедленно и бесповоротно «поглощал» его, подчиняя целиком своим интересам». В то же время Козлову была присуща скромность: став в 1928 году действительным членом

Рис. 4. П.К. Козлов и шведский путешественник Свен Гедин. Урга. Ноябрь 1923 г.

Украинской Академии наук, он обычно подписывался «академик-путешественник». «Он не считал свою ученость достойной звания академика, — поясняет Парамонов, — но, добавляя к титулу слово «путешественник», он уточнял свое положение среди ученого круга»⁵.

Один из участников Монголо-Тибетской экспедиции С.А. Кондратьев дополняет этот симпатичный портрет нашего героя несколькими новыми штрихами:

«Честолюбие П.К. также сильно, как и бескорыстная жажда подвига. Преданность традиции, а главное, неутасимая память об учителе, творят его благородство. Он бывает гневным, но никогда не бывает злобным. А ведь это так много значит. Очень честен и больше всего ценит правдивых и честных людей. <...> Еще вспоминается мне взгляд его несколько выцветших, утомленных глаз: прямой, твердый, встретивший и проводивший вереницу многокрасочных отрадных и суровых дней, видевший сотни опасностей, кровь, смерть и снеговые вершины Тибета»⁶.

Рис. 5. Будда на Алмазном престоле

Несмотря на преклонный возраст, вскоре после окончания Монголо-Тибетской экспедиции Козлов стал готовиться к новому путешествию — снова в Тибет, к истокам Голубой реки Янцзы (Мур-усу), чтобы стереть «последнее белое пятно» на карте Азии. Отправиться в этот затерянный горный мир он собирался необычным способом — на аэропланах. Этим планам путешественника, однако, не суждено было осуществиться. А затем годы взяли свое. В начале зимы 1935 года Козлов тяжело заболел, летом его поместили в санаторий в Старом Петергофе, где он и скончался несколько месяцев спустя (25 сентября).

После смерти Козлова советское правительство, желая увековечить память о нем, как выдающемся исследователе Центральной Азии, приняло решение — установить две аспирантские стипендии имени П.К. Козлова на гео-

графическом факультете Ленинградского государственного университета и специальную премию в пять тысяч рублей «за лучшую работу по географии или археологии Азии». Тогда же квартира Козлова у Смольного была передана в пожизненное пользование его вдове, Е.В. Козловой, к тому времени принятой в штат сотрудников Зоологического института АН СССР и специализировавшейся на изучении центральноазиатской орнитофауны.

Эта квартира в то время представляла собой настоящий маленький музей или антикварную лавку — столько в ней было всяких редкостей, привезенных Петром Кузьмичом из далекой и загадочной Центральной Азии. Хорошо известно, что сам путешественник был страстным коллекционером — собирал монеты (тибетские и китайские), статуэтки бурханы (изображения будд), фигурки из китайского нефрита. Были в его доме и подлинные реликвии, например, подаренная 13-м Далай-ламой серебряная статуя «Будды на алмазном троне» и несколько церемониальных «хадаков» —

тончайших, полупрозрачных шелковых шарфов, которыми традиционно обмениваются при встрече знатные монголы и тибетцы.

В 1935 году, выполняя завещание мужа, Е.В. Козлова передала в дар Эрмитажу две наиболее ценные художественные коллекции мужа — буддийскую (285 единиц) и нефритовую (114 предметов). Ряд других предметов — научные инструменты, принадлежавшие Пржевальскому и Козлову, рукописи и ксилографы на тангутском языке, этнографические материалы, книги и фотографии — были переданы ею же в 1936–1939 гг. в Институт истории науки и техники, Географическое общество, в Пулковскую обсерваторию, Институт Востоковедения, Институт этнографии. Позднее (в 1950–70-е гг.) Козлова подарила ряд оставшихся у нее мемориальных предметов Смоленскому областному краеведческому музею и школе в пос. Духовщина, в которой учился П.К. Козлов⁷. Большое количество вещей Елизавета Владимировна раздала своим друзьям и знакомым, а была она очень щедрым человеком и любила делать подарки «по случаю», называя их небрежно «пустячками».

Что касается основных экспедиционных коллекций П.К. Козлова, то они находятся ныне в: 1) Эрмитаже (харьотинские и ноинулинские археологические находки, буддийская иконография), 2) Институте восточных рукописей (рукописи и ксилографы на тангутском и китайском языках), 3) Музее антропологии и этнографии (этнографические материалы), 4–5) Зоологическом музее и Ботаническом институте (фаунистические и флористические сборы).

Е.В. Козлова умерла в 1975 году в возрасте 82-х лет. Все принадлежавшее ей имущество она завещала ближайшей подруге — И.А. Четыркиной, которая проживала совместно с ней (с 1950 г.) и трудилась в том же Зоологическом институте. Таким образом, Четыркина стала хранителем и распорядителем всех материалов, относящихся к научной деятельности как П.К. Козлова, так и Е.В. Козловой. Начиная с 1975 года Четыркина и одновременно с ней О.П. Козлова (дочь П.К. Козлова от первого брака) начали энергично ходатайствовать в различных высоких инстанциях в Ленинграде и Москве об организации музея в бывшей квартире Козлова. Их усилия, однако, долгое время не приносили результатов. Тем временем Четыркина продолжала начатую еще вместе с Е.В. Козловой кропотливую работу по систематизации огромного научного наследия П.К. Козлова.

Дело сдвинулось с мертвой точки лишь в начале 1980-х. Ряд научных учреждений и организаций (Географическое общество, Институт географии, Институт истории естествознания и техники, Межведомственный координационный совет АН СССР в Ленинграде) и отдельные ученые, такие как академики Е.М. Лавренко, А.П. Окладников и А.Л. Яншин, поддержали инициативу И.А. Четыркиной и О.П. Козловой. Поддержал ее, со своей стороны, и Президиум Академии наук. 2 декабря 1982 года Президент АН академик А.П. Александров обратился с письмом к министру культуры СССР П.Н. Демичеву, в котором просил рассмотреть возможность организации «музея исследователей Центральной Азии» в Ленинграде в качестве «учреждения Министерства культуры». «Речь идет об организации для широких слоев населения формы ознакомления с научным трудом, граничившим с подвигом, плеяды всемирно известных географов-путешественников, заложивших фундамент современных знаний о Центральной Азии. Интерес к этим исследователям не ослабевает, в особенности среди учащейся молодежи, учителей, и музейный показ их жизни и деятельности приобретает большое политико-воспитательное значение». Мемориальный музей исследователей Центральной Азии, — говорилось далее в письме А.П. Александрова, — «целесообразно учредить в Ленинграде — городе, явившимся исходным пунктом их знаменитых путешествий, где находятся многочисленные коллекции, документы и мемориальные вещи ученых». В качестве помещения для музея предлагалась одна из мемориальных квартир путешественников — квартира П.К. Козлова, площадью 180 м², «где до сих пор хранится часть собранных им материалов и предметов, имеющих научную ценность»⁸.

В результате в 1983 году (год спустя после смерти О.П. Козловой) Ленгорисполком дал свое согласие на открытие музея-квартиры П.К. Козлова. Однако такой музей, или, правильнее сказать, мемориальная квартира, просуществовал совсем не долго — до 1987 года, когда умерла И.А. Четыркина. А затем, два года спустя, уже на излете перестройки, квартира П.К. Козлова обрела своего нынешнего хозяина в лице Ленинградского (С.-Петербургского) филиала Института истории естествознания и техники.

До середины 1990-х, однако, музей П.К. Козлова существовал скорее номинально, чем реально. Созданию в нем настоящей, строго научной, музейной экспозиции препятствовали, с одной стороны, недостаток экспозиционного материала, а с

Рис. 6. Мемориальный кабинет П.К. Козлова

другой — отсутствие необходимых для этого средств. Как уже отмечалось выше, большинство мемориальных предметов были либо переданы хозяйкой квартиры Е.В. Козловой в различные учреждения и организации, либо подарены частным лицам, и вернуть их назад, хотя бы частично, не представлялось возможным.

Особенно заметны были утраты в кабинете Козлова, где отсутствовал целый ряд некогда украшавших его весьма колоритных предметов, создававших особую, восточную ауру — медвежья шкура на диване (охотничий трофей Петра Кузьмича, добытый в Восточном Тибете⁹), шкура лобнорского тигра на полу, статуя «Алмазного Будды» на высокой деревянной тумбе. На стене над рабочим столом висел живописный портрет Н.М. Пржевальского, подаренный Елизаветой Владимировной Зоологическому институту (ныне он украшает там кабинет директора). Исчез и целый ряд интересных фотографий и картин, которыми были некогда увешаны стены кабинета, а фисгармонию напротив стола заменило пианино (Елизавета Владимировна любила вечерами помузыцировать вместе со своим другом-зоологом А.Я. Тугариновым).

Рис. 7. Экспозиция, посвященная истории российских исследований в Центральной Азии

И.К. Юдина (дочь орнитолога К.А. Юдина) хорошо помнит, как в детстве она вместе с родителями бывала в доме Е.В. Козловой. Девочку особенно поразила «волшебный шкаф» в кабинете Петра Кузьмича — полки его сверху донизу были заставлены множеством удивительных предметов, всевозможных «безделушек»: здесь были разноцветные резные фигурки животных из китайского нефрита и яшмы, бронзовые бурханчики, вазочки, чайные принадлежности, какие-то маленькие красивые коробочки и многое-многое другое. Все эти «сокровища» П.К. и Е.В. Козловы привезли из своих путешествий по Центральной Азии.

А вот еще одна история из воспоминаний И.К. Юдиной.

«У Петра Кузьмича было множество знакомых путешественников. Среди них был зоолог Николай Алексеевич Зарудный. Он путешествовал по Персии, Белуджистану. Приехав из очередной экспедиции, он пришел в гости к Петру Кузьмичу и принес ему в дар бронзовую персидскую чашу. П.К., посмотрев на подарок, сказал: «Я такого дорогого подарка принять не могу». Тогда Николай Алексеевич подошел к балкону (дело было летом) и выбросил ее в парк перед окном.

Рис. 8. Тибетская комната

Петр Кузьмич тут же подозвал своего денщика и велел ему немедленно принести чашу назад. Чаша была принесена и так осталась в доме Козловых. Сейчас она находится у нас в доме. Когда были живы мои родители, у нас в квартире собирались гости (орнитологи) и эту чашу наполняли вином и пускали по кругу»¹⁰.

Первый вопрос, который встал перед сотрудниками музея, — какой сделать музейную экспозицию — по форме и содержанию, принимая во внимание бедность экспозиционного материала? Согласно первоначальному проекtdизайну, основу музея должны были составить: 1) рабочий кабинет П.К. Козлова и 2) экспозиция, посвященная российским путешественникам-исследователям Центральной Азии, развернутая в двух примыкающих к кабинету комнатах. Большинство демонстрационных материалов (фотографии, дневники, карты и т.д.) предполагалось разместить в вертикальных «створчатых» витринах на стойках, а полы во всех музейных помещениях застелить ковролином. От этого проекта, однако, пришлось отказаться ввиду его дороговизны. Пришлось искать нового дизайнера. В результате

Рис. 9. Библиотека тибетских книг-ксилографов

в 2001 году был составлен еще один дизайн-проект — менее затратный. Его автором был профессиональный петербургский музейный дизайнер А.И. Прудник, создатель музея в Географическом Обществе. Именно этот проект и был реализован в конце 2002 года при спонсорской поддержке Музейного Совета РАН.

Экспозиционное пространство музея включает в себя:

- вестибюль;
- рабочий кабинет П.К. Козлова;
- комнату с основной экспозицией: «История российских экспедиций в Центральную Азию середины XIX — начала XX веков;
- Тибетскую комнату с экспозицией, рассказывающей о традиционной буддийской культуре, российских путешественниках в Тибет и ученых-тибетологах. В ее состав входят: библиотека книг-ксилографов различного содержания на тибетском и монгольском языках (коллекция ныне покойного настоятеля Цугольского дацана, ламы Жимба-Жамцо Цыбенова), а также предметы буддийского культа;

— зал временных выставок. В настоящее время здесь размещена выставка, посвященная 100-летию открытия Хара-Хото.

Оформление основной экспозиции достаточно традиционно — это развешанные на стенах стеклянные «щиты» с информационно-иллюстративными материалами по отдельным персоналиям (П.П. Семёнов-Тян-Шанский, Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов и т.д.) и расположенные вдоль стен мемориальные предметы. На щитах между стеклами представлены архивные документы, дневники, письма, книги, географические карты, рисунки и, конечно же, фотографии. Среди мемориальных вещей особо выделяются два предмета: походный мужской столовый несессер с 20 предметами в кожаном чемодане и складной письменный столик красного дерева с полным набором принадлежностей. Оба неоднократно экспонировались на городских и международных выставках. В углу у окна небольшой книжный шкаф. В нем книги, статьи и экспедиционные дневники Е.В. Козловой — дань памяти этой замечательной женщины, спутницы П.К. Козлова, дважды после его смерти путешествовавшей по Монголии и по республикам советской Средней Азии. Из экспонатов этнографического характера, размещенных в основном в Тибетской комнате, следует отметить предметы буддийского культа — прекрасно сохранившийся монастырский гонг, а также несколько шарфов-«хадаков»¹¹.

В вестибюле и кабинете П.К. Козлова можно увидеть личные вещи путешественника, предметы экспедиционного оборудования — выючные мешки и ящики для перевозки приборов и коллекций, ружейное снаряжение, компасы, бинокли, фотопринадлежности, а также книжное собрание, размещенное в трех шкафах.

Фонд музея-квартиры П.К. Козлова содержит около 10 000 единиц хранения. Это личный архив самого путешественника, архив его жены Е.В. Пушкаревой-Козловой, библиотека, картографическая коллекция, фото и неготека, коллекция открыток. Библиотека насчитывает около 2000 наименований научной и художественной литературы. Многие книги имеют дарственные надписи авторов и ценные маргиналии. Архив и библиотека музея доступны для посетителей.

Согласно уставным документам («Положение о Музее-квартире П.К. Козлова»), целями музея являются «изучение, сохранение, накопление и популяризация материалов, связанных с научной и экспедиционной деятельностью путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова и других

путешественников конца XIX — начала XX века». Коллекция основного фонда Музея рассматривается как «национальное достояние и составная часть Музейного фонда Российской Академии наук».

Сотрудники музея, включая хранителя, составляют Группу по истории исследования Центральной Азии — одно из подразделений С.-Петербургского филиала ИИЕТ РАН. Они ведут плановую научно-исследовательскую работу и одновременно выполняют функции музейных работников: организуют и проводят экскурсии для различных категорий посетителей (в том числе школьников и иностранных гостей), консультируют специалистов-востоковедов и лиц, интересующихся центральноазиатской тематикой, занимаются хранением и пополнением музейных фондов, прежде всего книжной коллекции. Помимо этого, они занимаются популяризаторской (научно-просветительской) деятельностью — читают лекции, устраивают демонстрации научно-популярных фильмов, организуют встречи с путешественниками. Все это делает музей живым организмом — научным и в то же время культурно-просветительским центром возрождающегося С.-Петербурга.

В заключение хотелось бы также отметить, что сама квартира П.К. Козлова — ее планировка и интерьеры, дающие представление о быте российской научной интеллигенции начала XX века, в последние годы определенно привлекает к себе кинематографистов. Достаточно сказать, что в рабочем кабинете П.К. Козлова неоднократно проводилась съемка документальных и художественных фильмов.

Примечания

¹ Путешественник П.К. Козлов о себе // Огонек. № 14 (210). 3 апреля 1927. Более подробно о жизни и научной деятельности П.К. Козлова см.: Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; Кравцис Н.Н. Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006.

² О Е.В. Козловой-Пушкарёвой см.: Среди людей и птиц. Орнитолог и путешественница Е.В. Козлова (1892–1975): Сборник материалов к 115-летию со дня рождения / Отв. ред. А.И. Андреев. СПб., 2007.

³ Несмотря на то, что эта экспедиция называлась Монголо-Тибетской, имея своей конечной целью посещение Центрального

Тибета и его столицы Лхасы, П.К. Козлов в Тибет не попал. Виною тому была политическая интрига, затеянная вокруг его экспедиции руководством ОГПУ и НКВД (Ф.Э. Дзержинским и Г.В. Чичериным). См.: *Андреев А.И., Юсупова Т.И.* История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. № 2. 2001. С. 51–74.

⁴ С.Я. Парамонов ошибается. Н.К. Козлов, вплоть до 1917 г., числился по военному ведомству. На момент Февральской революции он, подобно Н.М. Пржевальскому, имел чин генерал-майора.

⁵ *Парамонов С.Я.* «Академик-путешественник» П.К. Козлов. Из личных воспоминаний. Машинописная рукопись. Архив Музея-квартиры П.К. Козлов.

⁶ «Каждый мерит мир собственной душой». Дневник С.А. Кондратьева, участника экспедиции П.К. Козлова в Монголию (1923–1926) // Бюллетень Общества Востоковедов (Newsletters). Вып. 3. М., 2000. С. 56.

⁷ Списки переданных Е.В. Козловой предметов хранятся в архиве Музея-квартиры П.К. Козлова. Ф. 3. Оп. 27. Д. 2247–2253.

⁸ Цит. по тексту копии письма А.П. Александрова. Хранится в канцелярии СПб. Ф. ИИЕТ РАН (папка: Музей-квартира П.К. Козлова).

⁹ О том, как П.К. Козлов добыл этого медведя, рассказывается в его книге: Монголия и Кам. М., 1948. С. 361.

¹⁰ Цит. по рукописи воспоминаний И.К. Юдиной о Е.В. Козловой (находится в архиве Музея-квартиры П.К. Козлова).

¹¹ Более подробно об экспонатах Музея-квартиры П.К. Козлова см.: Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 459–466.